

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

И. И. Срезневский является одним из крупнейших российских славистов XIX в. Он стоял у колыбели университетской славистики в России, в его деятельности нашли отражение многие характерные черты ее становления.

На формирование научного мировоззрения Срезневского, как и других российских славистов, оказали влияние теории немецких философов-идеалистов, а также тенденции романтизма в науке и искусстве, распространенные в первой половине XIX в. Он, в частности, горячо отстаивал прогрессивную мысль о вкладе как больших, так и малых народов в сокровищницу мировой цивилизации, в 1840–1850-е гг. выступал за признание самобытности языка и литературы всех славянских народов, однако никогда не связывая решение национального вопроса у малых народов с революционной борьбой за их национальное освобождение. С годами Срезневский приобрел репутацию сторонника научного критицизма и скептицизма, но некоторым идеалам романтизма в науке остался верен до конца жизни (это касается, в частности, причин, по которым он остался в ряду защитников подлинности «древнечешских рукописей»). Направление эволюции научных взглядов ученого – от широкого понимания предмета славистики, включавшего в себя филологические и исторические дисциплины, к ограничению его понятием «славянская филология», – также отражало общую тенденцию развития отечественной славистики к обособлению отдельных дисциплин обширного славистического комплекса.

На каждом этапе научной деятельности И. И. Срезневский вносил свой вклад в развитие отечественного славяноведения. Главной задачей российской славистики в 1830–1840-е годы была постановка преподавания этого предмета в университетах. Получив возможность во время заграничной командировки в славянские земли (1839–1842) ознакомиться с состоянием славистических исследований, а также с практикой преподавания этого предмета за рубежом, Срезневский стал одним из первых отечественных славистов, который успешно справился с данной задачей, заложив прочные традиции преподавания этой дисциплины сначала в Харьковском, затем в Петербургском университетах. В Харьковском университете Срезневский, в частности, читал курсы «Энциклопедическое введение в

изучение славянства», «Западные славяне южной отрасли», «Западные славяне северной отрасли». Лекции ученого имели небывалый успех. Их посещали студенты других факультетов. Срезневский патристически призывал своих слушателей: «Мы должны любить и уважать славянство во всем его объеме, потому что мы славяне; без этого мы не можем иметь истинной любви к самим себе: это долг нравственности, прямой наш человеческий долг, долг любви родного к родному, брата к брату». Но «без познания нет любви», а значит, необходимо «изучать славянство ученым образом как один из предметов науки» ([Срезневский 1893]).

Творчески восприняв опыт выдающихся зарубежных славистов, в частности П. Й. Шафарика, Ф. Л. Челаковского и др., ученый вырабатывает свой собственный подход к предмету, придав ему филолого-этнографическое направление. Тем не менее его преподаванию были присущи общие черты, свойственные тогдашней университетской славистике: вынужденный энциклопедизм как отражение нерасчлененности славянских дисциплин, когда во главу угла ставились отдельные славянские народы, а не дисциплины; филологический подход к предмету, не исключавший, однако, внимания к историческим дисциплинам.

В 1840-е гг. ученому удалось частично обработать огромный объем диалектологических, фольклорных, этнографических, лексикологических и прочих материалов, собранных в путешествии. Он опубликовал статьи, в которых заявил о себе как об основоположнике ряда славистических дисциплин в России, в частности, славянской диалектологии, этнолингвистики, мифологии, этнографии и др. А за работу «Святынища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям» (1846) Срезневский первым в России был удостоен степени доктора славяно-русской филологии.

Нет, пожалуй, ни одной «страноведческой» отрасли славяноведения, в которую бы Срезневский не внес заметный вклад именно в 1840-е гг., везде выступая первопроходцем и начинателем. Болгаристы благодарны ему за содержательный «Очерк книгопечатания в Болгарии» (1846), в котором он впервые охарактеризовал современное состояние и наметил пути развития болгарской литературы. То же самое он сделал в отношении чешской, отчасти словацкой и сербской литератур и особенно сербо-лужицкой словесности. Таковы статьи: «Исторический очерк сербо-лужицкой литературы» (1844), «Литературное оживление западных славян» (1846), «Взгляд на современное состояние литературы у западных славян» (1847) и др.

Для сербистов большое значение имеет осуществленная Срезневским публикация первого биографического очерка о кодификаторе сербско-хорватского языка Вуке Караджиче и оценка проведенной Караджичем реформы, данная им в статье «Вук Стефанович Караджич. Очерк биографический и библиографический» (1846). Словенцы обязаны ему выработкой, по существу, первой научной классификации словенских говоров, положенной в основу современных концепций. Свои взгляды на этот предмет Срезневский изложил в статьях: «О славянских наречиях» (1841), «Обозрение главных черт сродства в наречиях славянских» (1845) и др. Срезневский открыл для науки небольшие славянские народности – фриульских резриан и словинов (1843, 1844), жумборских ускоков (1844), дав их диалектологическое и этнографическое описание в работах 1843, 1844 и 1878 гг. и др. ([Досталь 2003: 109–116]). Срезневский выступил также одним из первых классификаторов силезских наречий. Эта работа ученого до сих пор не потеряла своего научного значения и была опубликована польскими учеными в 1973 г. ([Kucharska, Nasz, Rospond 1973]). В архиве Срезневского хранится бесценное собрание образцов словацких диалектов и фольклора, блестящее знание которых он проявил в своей капитальной рецензии на «Славянскую этнографию» маститого пражского ученого П. Й. Шафарика. Срезневский подготовил также ряд не потерявших и сейчас значения для науки словарей славянских языков: горных словаков, верхних лужичан, болгар и др., которые, к сожалению, до сих пор не опубликованы полностью. О вкладе Срезневского в серболужицкую культуру свидетельствуют, кроме всего прочего, такие слова из письма Я. А. Смолера: «Русский путешественник... Срезневский... нам много пособил и советом и собственным трудом... под его руководством составили мы... нашу первую – аналогичную с чешской и словацкой – азбуку» (цит. по: [Богатова 1985: 31]).

В конце 1840-х гг. в связи с внутренней эволюцией своих научных и общественно-политических взглядов, в определенной мере обусловленной революционной ситуацией в Европе и охранительными мерами по недопущению ее в России, Срезневский от этнографических и фольклорных изысканий постепенно переходит к глубокому изучению древней славянской и русской письменности как базы для осуществления широкой программы изучения истории русского языка, намеченной им в блестящих по форме и содержанию «Мыслях об истории русского языка» (1849). Славистика потеряла для него самодовлеющее значение, оставаясь, однако, существенной частью научного творчества. В то же время представляется спорным

мнение тех исследователей творчества Срезневского, которые полагали, что с 1850-х гг. он отказался от славистических исследований, став чистым русистом. Против этого свидетельствуют прежде всего содержательные курсы по славяноведению, которые ученый читал в Петербургском университете и Главном педагогическом институте. В 1850-е и до середины 1860-х гг. он читал в университете три основных курса: «Введение в славянскую филологию», «Славянские древности», «История и литература западнославянских наречий», кроме того вел практические занятия по изучению основных славянских языков. Курсы в ГПИ несколько отличались от университетских в сторону более углубленного изучения новейших славянских литератур. Филологические дисциплины в курсах Срезневского стояли на первом месте по объему и значению, которое им придавалось, по тем задачам, которые ставились ученым. Содержательный исторический обзор только предварял изложение истории литературы, тем не менее все лекции Срезневского были проникнуты духом историзма и носили историко-филологический характер. Можно отметить, что в целом курсы Срезневского включали в себя три основные славистические дисциплины: историю языка, историю литературы и историю славянских народов. (Теперь эти предметы изучаются отдельно.) Курсы базировались на новейшей славистической литературе и представляли собой также плод собственных размышлений профессора, внося определенный вклад в разработку славянской филологии и истории. Важно, что в 1850-е гг., в период утверждения славянофильских тенденций в российском славяноведении, он занял независимую позицию, явившись, в частности, предшественником позднейших критиков славянофильской концепции в русской гуситологии.

Существенным вкладом в славяноведение была и широкая организационная деятельность Срезневского в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук. Ему удалось значительно оживить и разнообразить научную жизнь Отделения, вовлечь русских ученых в совместную со славянскими коллегами работу в архивах и библиотеках по решению проблемы происхождения глаголицы и соотносительной древности глаголицы и кириллицы (работа оживилась в связи с открытием Шафариком знаменитых «Пражских глаголических отрывков»). Все это нашло отражение в редактировавшихся Срезневским «Известиях ОРЯС», ставших важным и единственным в 1850-е гг. научным журналом, который разносторонне освещал успехи развития славистики в России и за рубежом. Направление журнала было строго научное, историко-филологическое. И хотя широ-

кие планы сотрудничества в «Известиях ОРЯС» зарубежных славянских ученых не осуществились в полной мере, в нем приняли участие видные славянские ученые – П. Й. Шафарик, Ф. Цейнова, С. И. Веркович, а также жившие в России болгары: С. Н. Палаузов, Н. Геров, К. Д. Дмитриев-Петкович и др. Благодаря усилиям Срезневского в журнале были широко представлены исследования и публикации памятников старославянского и церковнославянского языка, исследования по отдельным славянским языкам, сравнительному славянскому языкознанию, публикации памятников славянского народного творчества, славянской мифологии и пр.

В большей степени, чем статьи, славистическое лицо журнала определял библиографический отдел «Известий ОРЯС», подавляющее большинство заметок и рецензий в котором принадлежало перу Срезневского. Этот отдел характеризует полнота охвата рецензируемых книг, содержательность заметок, объективность и весомость критики. Благодаря этому библиографический отдел «Известий» быстро завоевал популярность у русских и славянских ученых, помогая лучше ориентироваться в современной славистической литературе. Анализ содержания заметок и других материалов показал, что Срезневский ставил перед собой следующие задачи: во-первых, старался привлечь внимание русских читателей на книги наиболее известных и авторитетных ученых (П. Й. Шафарика, Ф. Палацко, Ф. Миклошича, В. Мацеёвского и др.), во-вторых, познакомить своих коллег с работами по актуальным тогда вопросам славистики (проблема происхождения глаголицы и соотносительной древности двух славянских алфавитов) и, наконец, привлечь внимание на те книги, которые могли дать что-то полезное и поучительное для русской науки ([Досталь 1975]).

В 1860–1870-е гг. славяноведение по-прежнему было одной из областей научных занятий Срезневского. Главный упор он делал теперь на славяно-русскую палеографию и археографию, интерес к которым в связи с преобразованиями в России диктовался прежде всего насущными потребностями развития этих наук, обособлявшихся в самостоятельные научные дисциплины. Труды Срезневского – «Древние памятники письма и языка юго-западных славян» (1865), «Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы» (1866), «Древние памятники юсового письма» (1868), «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» (1867–1879) и др. – открыли новый этап в их развитии, а некоторые его наблюдения над древними рукописями принимаются во внимание и современными специалистами. Публикациями большого

числа древних рукописей Срезневский внес немалый вклад в создание научно организованной базы для изучения старославянского и древних славянских языков, о необходимости которой заявлял в своих знаменитых «Мыслях об истории русского языка». Неизмеримым вкладом ученого в славистическую науку является создание им первого в России словаря древнерусского языка, в котором нашла широкое отражение лексика старославянского языка. Трехтомный словарь, вышедший после смерти ученого под названием «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1893–1912), был делом почти всей творческой жизни ученого ([Досталь 1980]).

В 1870-е гг. Срезневский обратился к изучению старославянской тематики преимущественно с «чешским уклоном». В 1874 г. на выставке древних рукописей, приуроченной к открытию Киевского археологического съезда, Срезневский обнаружил так называемые «Киевские глаголические листки» – древнейший памятник старославянской письменности X в. Он впервые опубликовал и исследовал этот памятник, указав на его чехоморавское происхождение. Это мнение разделяет большинство современных исследователей.

Главным содержанием контактов Срезневского с видными чешскими учеными (А. Патерой, А. В. Шемберой, Й. Иречком и др.) в 1870-е гг. становится параллельное исследование Краледворской, Зеленогорской рукописей, чешских глосс в латинском словаре «*Mater verborum*», обмен мнениями по вопросу о подлинности этих рукописей, споры о которых не утихали на протяжении десятилетий со времени их «открытия» и имели актуальное общественно-научное значение. Самостоятельное исследование рукописей поколебало веру Срезневского в их древность. Однако сформировавшееся еще в 1840-е гг. представление о рукописях как о национальной святыне чешского народа, убежденность в невозможности для уровня науки начала XIX в. столь искусной подделки, многолетняя дружба с В. Ганкой, главным подозреваемым в фальсификации и другие причины способствовали тому, что Срезневский не смог сделать последнего шага к признанию рукописей поддельными. Все же работа, проделанная ученым, не пропала даром, тем более, что некоторые его аргументы против большой древности рукописей вошли впоследствии в арсенал доказательств подделки ([Досталь 2002]).

После прихода в 1865 г. на кафедру В. И. Ламанского, взявшего на себя чтение курсов по истории славянских литератур и истории славян, Срезневский сосредоточил свое внимание на истории славянских языков, литератур и «древностях». Эти дисциплины ученый считал

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

основой славянской филологии, которой он в основном ограничивал свое представление о предмете славистики. В 1860–1870-е гг. Срезневский читал курсы «Энциклопедическое введение в славянскую филологию», «Славянские древности», «История славянского языка по наречиям», «Древности славянской словесности» и др. Много внимания Срезневский уделял семинарским занятиям по славяно-русской палеографии, вылившимся в курс «Славяно-русской палеографии», изданный после смерти ученого в 1885 г. и долгие годы служивший ценным учебным пособием для студентов русских университетов.

Важной заслугой Срезневского было воспитание кадров молодых отечественных славистов. И хотя Срезневскому, как и другим зачинателям университетского славяноведения в России, не удалось создать цельной славистической школы, представителей которой отличало бы единство теоретических взглядов, общность методов исследования определенного тематического направления в науке (это выразилось, в частности, и в том, что на склоне жизни некоторые из его учеников, например И. А. Бодуэн де Куртенэ и др., выступили против учителя), тем не менее наиболее одаренные из его учеников (В. И. Ламанский, П. А. Лавровский, А. Н. Пыпин, В. В. Макушев, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.) определили развитие следующего этапа отечественного славяноведения.

В свое время так называемые представители «передовой» русской интеллигенции обвиняли Срезневского в консерватизме общественно-политических воззрений и отказе от широких теоретических обобщений. Нам эти суждения представляются поверхностными ([Досталь 1992]). Консерватизм как результат эволюции его общественно-политических взглядов никак не сказался на качестве научных исследований ученого. Что касается склонности к теоретическим обобщениям, то всему свое время. Срезневский как никто другой понимал, что широкие теоретические обобщения должны базироваться на всей громаде исследованных фактов. Программу широких исследований в области русско-славянской филологии он начертал в своих «Мыслях об истории русского языка» и ревностно начал ее выполнение. Ее реализация не завершена до сих пор. Академик О. Н. Трубачев по этому поводу мудро сказал: «Имя большого ученого обычно стремятся связать с большой теорией, полагая тем прочнее укрепить его славу. Век славянского национально-культурного возрождения, как и всякого возрождения, был материально-романтичен. И именно на этом пути создаются исторические ценности. К такому признанию приходит и наука нашего времени, казалось бы, перена-

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

сыщенная творческой мыслью. Поэтому уместно вспомнить слова французского филолога Антуана Мейе о том, что хотя обычно думают, что науку двигают вперед новые теории, в действительности же ее успех обеспечивает точное описание фактов. Этим одухотворенным научным фактом жива и филология Срезневского, оставленная в наследство нам и нашей науке XX в.» (цит. по: [Смирнов 2001: 85].

Л и т е р а т у р а

- Богатова 1985 – *Богатова Г. А.* И. И. Срезневский. М., 1985. С. 31.
- Досталь 1975 – *Досталь М. Ю.* Библиографические заметки И. И. Срезневского о книгах чешских и словацких ученых в «Известиях» Отделения русского языка и словесности Академии наук // Советское славяноведение. 1975. № 2. С. 82–88.
- Досталь 1980 – *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский как славист (1812–1880) // Советское славяноведение. 1980. № 3. С. 90–105.
- Досталь 1992 – *Досталь М. Ю.* О некоторых спорных моментах в биографии И. И. Срезневского // Славяноведение. 1992. № 2. С. 92–101.
- Досталь 2002 – *Досталь М. Ю.* Чешские связи И. И. Срезневского в 70-е гг. XIX в. (К 190-летию со дня рождения ученого) // Славяноведение. 2002. № 5. С. 3–14.
- Досталь 2003 – *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 109–116.
- Смирнов 2001 – *Смирнов С. В.* Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX в. М., 2001. С. 85.
- Срезневский 1893 – Вступительная лекция И. И. Срезневского в Харьковском университете 16 октября 1842 г. / Публикация В. И. Срезневского // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Ч. 287. № 5. С. 127.
- Kucharska, Nasz, Rospond 1973 – *Kucharska E., Nasz A., Rospond S.* Wieś śląska w 1840 r. Relacje z podróży I. I. Srieznewskiego po Śląsku. Wrocław, 1973.